

RU

Проблема памяти в романе «Лунный тигр» Пенелопы Лайвли

Иванова Д. Д., Вафина А. Х.

Аннотация. Цель исследования – выявить своеобразие структуры романа «Лунный тигр» британской писательницы Пенелопы Лайвли. В статье анализируются нарративные особенности изображения образа главной героини. Воспоминания и рефлексия героини – это способ реконструкции памяти, а также непрерывный процесс узнавания себя и осознание собственной индивидуальности. Героиня является носителем сильного и уникального характера, но в то же время автор воплощает в ее образе черты героя, впитавшего травматический опыт войн XX столетия. Данное научное изыскание вносит теоретический вклад в изучение современной английской литературы и особенностей репрезентации проблемы памяти. Научная новизна работы заключается в исследовании нарративных стратегий в романном творчестве Пенелопы Лайвли, необходимых для выстраивания повествования, в котором конструируется процесс мышления человека в тесной взаимосвязи с воспоминаниями. В статье анализируется нетипичная фигура диегетического нарратора, для которого характерна внутренняя фокализация. В результате исследования повествовательной структуры романа доказано, что нарушение принципов эпического в романе и тенденция к деконструкции событий прошлого, но в то же время отказ от объективности повествования и стремление к индивидуализации в субъективном тексте главной героини позволяют отнести роман к постмодернистской литературе, где весь мир находит отражение в истории одного человека.

EN

The problem of memory in the novel “Moon Tiger” by Penelope Lively

Ivanova D. D., Vafina A. Kh.

Abstract. The aim of the research is to identify the peculiarity of the structure in the novel “Moon Tiger” by the British writer Penelope Lively. The paper analyses the narrative features of the image of the protagonist. The heroine’s memories and reflection are a way of reconstructing memory, as well as a continuous process of self-recognition and realising her own individuality. The heroine possesses a strong and unique character, but at the same time, the author embodies the traits of a hero who absorbed the traumatic experience of the wars of the XX century in her image. The research makes a theoretical contribution to the study of modern English literature and the peculiarities of representation of the problem of memory. The scientific originality of the paper lies in examining narrative strategies in Penelope Lively’s novelistic works that are necessary for building a narrative in which a person’s thinking process is constructed in close relationship with memories. The paper analyses an atypical figure of a diegetic narrator characterised by internal focalisation. As a result of studying the narrative structure of the novel, it has been proved that the violation of the principles of the epic in the novel and the tendency to deconstruct the events of the past, but at the same time the rejection of the objectivity of the narrative and the desire for individualisation in the subjective text of the protagonist allow the novel to be attributed to postmodern literature, where the whole world is reflected in the history of one person.

Введение

Несмотря на то, что европейской литературе имя Пенелопы Лайвли хорошо известно, ее творчество до сих пор остается на периферии интересов литературоведов в нашей стране. В представленной статье задача автора сводится к заполнению данной лакуны в отечественном литературоведении.

Актуальность исследования обосновывается возрастающим интересом к проблеме индивидуальной памяти. На протяжении существования человечества ученые разных эпох пытались осознать, дать определение и отследить особенности функционирования процессов памяти, а за последние несколько десятилетий она послужила темой для изучения в различных междисциплинарных науках, таких как психология, литературоведение, антропология, история и культурология. Более того, в переломные моменты человеческой истории

ученые проявляют особое внимание к памяти травмы, поскольку катастрофы и войны оставляют неизгладимый след в социальной памяти и индивидуальном сознании. Своевременность подобного исследования обосновывается также интересом русских читателей к ее творческому наследию.

Проблема памяти является одним из наиболее приоритетных направлений в целом ряде междисциплинарных гуманитарных исследований и вызывает интерес литературоведов, психологов, антропологов и культурологов. Это напрямую обусловлено поисками людей своей культурной, исторической и социальной идентичности. Память – это фундамент самоидентификации, а специфика восприятия событий прошлого, процессы воспоминания и забвения формируют у человека представления о себе, истории своей страны и общества, а также позволяют отразить травматический опыт истории.

Проблема памяти в творчестве Пенелопы Лайвли ранее освещалась в монографии Мэри Х. Моран “Penelope Lively” (Moran, 1993), где исследователь указывает на субъективную природу реальности и текучесть времени в романах автора при анализе системы образов произведений «Лунный тигр» и «Город разума», обращает внимание на взаимосвязь прошлого и настоящего, а также дает определение ее повествовательной технике и вводит термин «калейдоскопическая техника»: этот прием позволяет автору вписывать в единую нить фрагментарные воспоминания ее героев (Moran, 1997, p. 120).

Исследованию нарративных приемов в представлении образа женщины в творчестве Пенелопы Лайвли посвящены статьи испанского филолога Марикель Оро-Пикерас. В публикациях “Demythologizing Female Aging through Narrative Transgression in Penelope Lively’s «Moon Tiger» and Angela Carter’s «Wise Children»” (Oró-Piquerás, 2017), “Retrieving the Past – the Historical Theme in Penelope Lively’s Fictions” (Xiaotang Lv, 2016), “Towards Old Age through Memory and Narrative in Penelope Lively’s «Photograph» and «How All It Began»” (Oró-Piquerás, 2014) исследователи предлагают использовать термин «психологическое наслоение» для изучения смены точек зрения в романах П. Лайвли. В статье Божены Кучалы “Penelope Lively’s Autobiographical Memory” исследуются истоки ее авторских приемов для актуализации процесса идентификации литературного героя: ее творчество в этом отношении связывается с эпохой раннего модернизма. Автор статьи настаивает на необходимости применения принципа непрерывности в вопросе о личной идентичности в романах Лайвли, поскольку все, что есть в настоящем ее героев, несет в себе следы их прошлого (Kusała, 2017).

Российские литературоведы также проявляют интерес к романному наследию автора, среди них можно выделить статьи О. Г. Сидоровой и Т. А. Полуэктовой (2019) «Экфрасис и его функционирование в поэтике романа Пенелопы Лайвли “Фотография”» и О. А. Судленковой (2019) «Вымышленная автобиография Пенелопы Лайвли», где авторы анализируют рассказы «Выдуманное» (“Making It Up”, 2005), представляющие собой альтернативные версии разных эпизодов жизни автора. Рассматривая соотношение реальных фактов и вымысла в рассказах, авторы статей приходят к выводу, что сборник можно отнести к жанру автофикшн.

Теоретическую базу данного исследования составили работы зарубежных и отечественных ученых, изучающих проблему памяти с позиции социологии, истории, психологии, культуры и литературоведения (King, 2000; Рязузова, 2020; Романовская, 2010; Касьянов, Самыгин, 2019; Нора, Озуф, Пюимеж и др., 1999).

Изучение особенностей репрезентации проблемы памяти в творчестве Пенелопы Лайвли предполагает решение следующих задач: проследить, как функционирует память в романе «Лунный тигр», какую нарративную стратегию выбирает автор для саморепрезентации собственной жизни, а также выявить специфику осмысления памяти в рамках феминного дискурса. Все эти задачи решаются при помощи структурно-семантического метода.

Материалом исследования послужил роман П. Лайвли: Лайвли П. Лунный тигр / пер. с англ. Т. Шабаровой. М.: РИПОЛ классик, 2015.

Теоретическую значимость данной работы составляет вклад в изучение творчества Пенелопы Лайвли, которая вызывает широкий интерес в западном литературоведении, однако она остается мало известной русскому читателю и ее творчество не получает должного освещения в отечественном литературоведении.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее материалы, основные положения и выводы могут быть использованы при чтении лекционных курсов по зарубежной литературе XX-XXI вв., на практических занятиях по британской литературе.

Обсуждение и результаты

Своеобразие нарративной структуры романа

Пенелопа Лайвли – британская писательница, автор романов для взрослых и детей. Ее литературная карьера началась с создания книг для детей: ее первый роман “Astercote” был написан в жанре фантастики и опубликован в 1970 году. Позднее она издала более двадцати книг для детей, которые получили широкое признание. В 1973 году Пенелопа Лайвли получила медаль Карнеги от Ассоциации библиотек за лучшую детскую книгу Британии, в 1976 году она удостоилась Уитбредовской премии. Уже в первых своих книгах автор поднимает проблему взаимодействия истории и памяти, которая в дальнейшем становится одной из центральных в ее творчестве. Вскоре Пенелопа Лайвли начинает писать и для взрослых. В 1977 году выходит роман «Дорога в Личфилд» (“The Road To Lichfield”), который в этом же году будет номинирован на Букеровскую премию. Роман «По словам Марка» (“According to Mark”, 1984) вошел в шорт-лист Букеровской премии. Заветной премии в области литературы Пенелопа Лайвли удостоилась в 1987 году. Она стала лауреатом Букеровской премии благодаря роману «Лунный тигр» (“Moon Tiger”, 1987).

Во всех ключевых произведениях ее творчества: «Дом открытый» (“A House Unlocked”, 2001), «Олеандр, Джараканда: восприятия детства» (“Oleander, Jacaranda”, 1995), «Аммонитянины» (“Ammonites and Leaping Fish”, 2014), «По словам Марка» (“According to Mark”, 1984) – можно проследить особенное внимание автора к прошлому – различие между личной или семейной и официальной историей, восприятие одного и того же события человеком спустя долгое время, очень часто уже на смертном одре, а также осмысление времени и рокового случая. Весь этот круг рассматриваемых вопросов объединяет проблема памяти, которая играет ключевую роль в ее творчестве. Все романы Пенелопы Лайвли, написанные для взрослых, так или иначе затрагивают этот аспект, что позволяет автору вскрыть в героях новые черты характера, заново переосмыслить прожитое время, отрефлексировать и идентифицировать кризисные эпизоды жизни сквозь призму прошлого.

Пожалуй, в этой череде художественных приемов автора следует особо подчеркнуть значимость категории памяти для идентификации героев: вспоминая события прошлого, они будто заново обнаруживают себя, собирая собственную «самость» по кусочкам, подобно мозаике, в самых незначительных эпизодах и деталях, собственных реакциях и выстраиваемых отношениях с окружающими. Сама Пенелопа Лайвли неоднократно высказывалась о своей заинтересованности в категории памяти, а именно в том, как она формируется: “...the ways in which the physical world is composed of memory, the ways in which it’s an encumbrance and the ways in which it is an asset... I can hardly decide which it is. But it is something that I’m constantly aware of and constantly seeking new ways of exploring fictionally” (Penelope Lively. URL: <https://literature.britishcouncil.org/writer/penelope-lively>). / «...то, как физический мир формируется при помощи памяти, а также способы, с помощью которых это является обременением, и способы, с помощью которых это является активом... Я с трудом могу решить, что это такое. Но это то, о чем я постоянно думаю и ищу новые способы художественного исследования» (перевод автора статьи. – Д. И.).

Одним из ярких романов, в котором память играет важнейшую роль, является «Лунный тигр», написанный в 1987 году. Память доминирует в романе на уровне проблематики, определяет непосредственно тематический уровень, влияет на нарративную структуру романа, опосредует жанровую специфику, систему образов.

Сюжет романа составляют воспоминания умирающей от рака 76-летней женщины Клаудии Хэмптон, историка и журналистки. Героиня восстанавливает свое прошлое посредством личных воспоминаний, а также в ходе беседы с посетителями, которые навещают ее в больнице. Этот процесс усиленной работы над конструированием личности в историческом разрезе позволяет героине Пенелопы Лайвли осознать собственное «Я». Процесс узнавания себя в прошлом через воспоминания и рефлексии героини – это способ реконструкции памяти. Это необходимо для решения ряда задач: определения жизненной позиции, выявления ценностей жизни и осмысления роли человека и его личностных качеств в этом процессе проживания.

Пенелопа Лайвли выбирает ретроспективную композицию для представления истории ее героини: путешествие в прошлое позволяет выстроить целостный литературный образ. Перед читателем предстает журналистка, которая прошла насыщенный на события жизненный путь, а ее история, в силу ее возраста и непосредственно самой манеры презентации ее жизни, воспринимается читателем как вызывающая доверие, достоверная. В уста своей героини Пенелопа Лайвли вкладывает откровенные признания от первого лица: Клаудия открыто рассказывает о своих сильных и слабых сторонах, дурных и хороших поступках, которые определяют ее личность в разных сферах ее жизни. Категория памяти здесь выступает как инструмент, выявляющий спектр разных сфер «Я», в которых существовала героиня: жена, мать, любовница, историк, человек, переживший войны и другие потрясения XX столетия. Таким образом, можно говорить о том, что автор изображает не только индивидуальную, но и коллективную память, «которая, существуя по своим законам, призвана хранить коллективный опыт, репрезентированный в смыслах, символах, образах, культурных кодах, средствах и механизмах воспроизводства и трансляции прошлого» (Рягузова, 2020, с. 326).

Автор выбирает своеобразную нарративную стратегию: само рассказывание есть подражание процессу мышления человека, а именно тому, как происходит воспоминание событий из жизни. Эта стратегия позволяет Пенелопе Лайвли передать функцию повествователя своей героине: рассказывание истории в этом случае превращается в процесс глубокого погружения в прошлое. Но здесь важно отметить, что воспоминания не всплывают произвольно, они организованы логично, тематически и выстроены в хронологическом порядке во временной оси.

Речь Клаудии обращена к аудитории и строится по принципу монолога: «На этот раз будет действие. Непрестанное, смертоносное, триумфальное движение – из грязи к небу, всеобщее, уникальное, мое и ваше... Мисс Хэмптон мыслит с размахом – мои друзья» (Лайвли, 2015, с. 6). Благодаря такой внутренней фокализации повествование в романе приобретает черты искренности и интимности, схожей с теми эмоциями, которые вызывает прочтение личного дневника. В перволичном изложении истории Клаудии Пенелопа Лайвли не использует прием умолчания, который часто встречается в подобного рода текстах. В ее тексте нет попытки скрыть постыдные и болезненные факты ее жизни, рассуждение о прожитых днях представлено так, как если бы мисс Хэмптон находилась наедине с собой, например, когда она анализирует причины, по которым возник инцест с братом: «Я дождалась почти до тридцати лет, и ни один мужчина не уделял мне столько внимания, сколько Гордон. Поэтому, наверное, между нами и возникло то, что возникло» (Лайвли, 2015, с. 156). Более того, эти события собственной жизни анализируются с еще большим вниманием: воспоминания избилуют деталями. Такое подробное изложение необходимо, чтобы актуализировать картины прошлого в эмоциональном плане: героиня пытается заново пережить те же самые чувства, которые ее одолевали в тот момент в прошлом, а это, с точки зрения автора, есть необходимое условие для осознания и осмысления причин поступков.

Особенности своеобразной повествовательной стратегии формируют нетипичную фигуру диегетического нарратора. Главным в определении типов нарратора является противопоставление диегетического и недиегетического нарратора. Эта дихотомия характеризует присутствие нарратора в двух планах изображаемого мира – в плане повествуемой истории, или диегесиса, и в плане повествования, или экзегесиса. Диегетическим будем называть такого нарратора, который повествует о самом себе как о фигуре в диегесисе. Диегетический нарратор фигурирует в двух планах – и в повествовании (как его субъект), и в повествуемой истории (как объект). Недиегетический же нарратор повествует не о самом себе как о фигуре диегесиса, а только о других фигурах. Его существование ограничивается планом повествования, «экзегесисом». Это обусловлено тем, что традиционно в автобиографических текстах модернистской литературы повествующее «Я» и субъект повествования были идентичны, а значит, авторы игнорировали процессы памяти и представляли события прошлого так, будто они единообразны и доступны читателю (Шмид, 2022, с. 34). Пенелопа Лайвли, как представитель постмодернистской литературы, прекрасно посвящена в механизм работы памяти: мировосприятие ее героини, Клаудии, в настоящем, когда она является умирающей пожилой женщиной, влияет на отбор и интерпретацию тех фактов собственной жизни, которые стремится представить читателю автор. Так, Клаудия сурова в оценке собственных поступков, она прямо признает свои слабые черты характера, например, вспоминает приятное тщеславное чувство, когда ее узнают на приеме, или причину, по которой она соглашается выступать консультантом по истории в довольно посредственном кино: «*Алчность: в конце концов алчность и любопытство взяли верх*» (Лайвли, 2015, с. 264). Но в то же время в ее повествовании о себе в прошлом героиня предстает сильной, независимой женщиной: она разрывает отношения с человеком, которого не может уважать. Примечателен в этом отношении и эпизод, где она посещает зону боевых действий и видит погибших людей – все это указывает на то, что автор стремится создать у читателя определенный образ женщины своего времени.

Если рассматривать функцию игры со временем для определения художественного метода автора, то следует обратить внимание на следующее. Нарушение принципов эпического в романе и тенденция к деконструкции событий прошлого позволяют отнести роман к постмодернистской литературе, где весь мир находит отражение в истории одного человека. Есть при этом и обратный процесс, когда история лишается объективности, индивидуализируется в субъективном тексте главной героини: «*История мира, рассказанная Клаудией: факты и вымысел, миф и реальность, игра воображения и документальные свидетельства*» (Лайвли, 2015, с. 7). Такой бинарный подход к изложению событий влияет и на структуру романа. История, рассказанная Клаудией, апеллирует к личной истории самого адресата: автор сразу погружает читателя в его личные воспоминания. И это погружение лишено преамбул: отсутствует традиционный для такого представления личной истории пролог и/или «знакомство» читателя с контекстом, героями, историческими событиями. Об этом Пенелопа Лайвли предупреждает заранее. Читатель вовлекается в ситуацию азартной игры: предстоящая история сравнивается с колодой карт, где воспоминания как бы случайно выпадают в памяти героини.

Особую смысловую нагрузку несет название романа – перед читателем метафора лунного тигра в виде глеющей спирали от комаров. Это одна из деталей совместной ночи Клаудии и Тома, случайно промелькнувшая в одном из эпизодов романа, она имеет символическое значение. Спираль – это время, отведенное каждому человеку, которое скоротечно догорает, как и уголек этой спирали. В контексте памяти спираль символизирует собой угасание сознания, поскольку героиня находится в критическом состоянии, а ее воспоминания как бы ускользают от нее, исчезая навсегда. Так, например, в одном из эпизодов героиня с ужасом обнаруживает, что не может вспомнить простейшее слово. Она в панике пытается вспомнить слово и понимает, что утрачивает язык и слова, которые связывают ее с миром, а значит, и воспоминания.

При прочтении первых глав создается ощущение перегруженности сюжета: всплывающие в памяти героини ситуации разных этапов ее жизни похожи на поток сознания, где нет прямой хронологии событий от прошлого к настоящему (или наоборот), а воспоминания в произвольном порядке сменяются одно за другим. Например, она вспоминает свое детство и брата Гордона, а потом резко переходит к размышлениям о ходе истории и о палеолите: «*В моей истории зазвучит множество голосов. Холодное бесстрастное повествование не для меня*» (Лайвли, 2015, с. 4). Все это связано с особым взглядом автора, который в тексте воплощает свое представление о памяти как о палимпсесте – многослойной записи. При этом П. Лайвли отходит от традиционного понимания палимпсеста, поскольку, по ее мнению, различные слои-события в памяти организуют особую структуру, в которой важнейшие события прошлого откладываются так же, как и археологические ископаемые. Для нее «раскопка» этих событий прошлого несет в себе, с одной стороны, анализ и рефлексию травмирующих эпизодов жизни, а с другой – обеспечивает надежную связь поступков и ее выборов в критических ситуациях и настоящего – той, кем она является в данный момент.

Поскольку сама Пенелопа Лайвли являлась участником археологических раскопок, метафора «раскопка» особенно близка для ее понимания функции памяти: отмечая, что забывание – один из важнейших процессов памяти, она принимает то, что большая часть событий прошлого навсегда утеряна, и тем самым подчеркивается особая значимость тех обрывков жизни, которые еще можно вспомнить, особенно будучи на смертном одре. Эти воспоминания становятся бесценными, как редкие археологические ископаемые. В метафоре «археологическая раскопка» особое значение имеет понятие воспоминаний как ключей, предназначенных для открывания запертых дверей памяти, которые таят секреты (King, 2000, p. 98). Автор подчеркивает фрагментарность и разрозненность воспоминаний, поскольку никто не знает, к чему приведут результаты этих «раскопок», потому что только в процессе воспоминания выстраивается личность, широкий спектр, определяющий сущность «Я».

Дальнейшее развитие сюжета показывает, что все размышления героини сводятся к одной важнейшей, критической и переломной точке в ее жизни, а именно встрече с Томом Сауверном во время Второй мировой войны в Египте: *«Я понятия не имела, как его зовут, смутно запомнились рыжеватые усы и загоревшее до черноты выдубленное лицо, такое, как у всех у них. Он пришел и ушел – обычный артиллерист, оказавшийся рядом, когда был нужен транспорт, – хотя он, конечно, сыграл свою жизненно важную роль, ведь без него я бы не попала в Киренаику, не оказалась бы в грузовике, который затем сломался в какой-то глуши, и мне не пришли бы на помощь двое офицеров на джипе, один из которых...»* (Лайвли, 2015, с. 165). Именно эти отношения с Томом стали определяющими в ее дальнейшей жизни.

Трагическая смерть возлюбленного оказывается лейтмотивом в повествовании: в памяти героини – это точка отсчета, к которой она возвращается снова и снова, даже в последние моменты своей жизни Клаудия перечитывает его дневники с поля боя, тем самым пытаясь осознать и пережить его опыт. Автор изображает эти отношения искренними, но безнадежными: после короткого отпуска Том вынужден вернуться на поле боя, но эти пять дней, в которые оба героя успели сблизиться и построить планы, стали для Клаудии, возможно, самыми важными во всей жизни, так как все остальные воспоминания мысленно ведут героиню к этой встрече, которая является композиционным центром романа. Каир, где произошла встреча Клаудии и Тома – это особое «место памяти», «не столько физическое, сколько символическое» (Романовская, 2010, с. 43). При этом здесь стоит отметить, что в повествовании героини обнаруживаются и черты, присущие ненадежному рассказчику: она плохо помнит детали тех встреч и проведенного вместе времени, и это признание в наличии сбоев в осмыслении себя и своей истории в пространственно-временном континууме передается перволичным рассказчиком. Клаудия сообщает об этом, говоря, что все было как в тумане: *«Ощущение и место – вот что нам остается. Для тех моих воспоминаний не существует ни последовательности, ни хронологии: я не могу вспомнить, когда мы ездили в Карнак, к Колоссу, к гробницам – все это происходила словно бы в тумане»* (Лайвли, 2015, с. 103). Клаудия неслучайно говорит о месте, ведь человеческая память конкретно связана с пространством (Касьянов, Самыгин, 2019, с. 77). В романе эти пространства представлены образами родительского дома, Египта, Англии.

В воспоминаниях этих эпизодов встречи с Томом для героини наиболее приоритетным является не хронологически точная последовательность изложения событий и фактологическая точность, а ощущение влюбленности и всепоглощающего счастья, которого впоследствии героине не суждено испытать ни с кем: *«Я помню, какой ощущала себя тогда – богатой, счастливой, более живой, чем когда бы то ни было»* (Лайвли, 2015, с. 156). Во всем романе самым ярким воспоминанием является проведенная вместе ночь, так как героиня детально вспоминает все мельчайшие подробности вплоть до узора на плетеном стуле или пейзажа за окном. Этот эпизод, который создан при помощи приема ретардации, – важнейший во всем романе, поскольку здесь героиня чувствует, что обрела родного человека, она ощущает полноту жизни, которую, будто предчувствует, ей скоро предстоит потерять. Благодаря этим чувствам память как бы кристаллизуется и фиксируется в «месте памяти» (Нора, Озуф, Пюимеж и др., 1999).

Клаудия пытается поговорить с Томом *«о том, на что вечно не хватает времени»* (Лайвли, 2015, с. 165), и в дальнейшем она вновь и вновь будет вспоминать их реплики. Эта утраченная близость ею не будет обретена: автор показывает, что Клаудия не близка со своей дочерью, она не может обрести взаимопонимание с женой брата, бывшим мужем, даже запретная инцестуальная близость с братом не приносит ей счастья. Во всех ее воспоминаниях сквозит тема одиночества, поскольку ни один герой по силе духа не приблизился к погибшему Тому.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что память играет важнейшую роль в романе. Она определяет как тематический уровень текста, так и повествовательную стратегию автора. Актуализация проблемы памяти в романе позволяет Пенелопе Лайвли сконструировать противоречивый образ женщины со сложным внутренним миром и богатой судьбой времен XX столетия. С одной стороны, она создает образ сильной и независимой от мужского влияния женщины с волевым характером, а с другой – ее память хранит травматичный опыт, который она вынуждена скрывать от посторонних глаз.

В романе используется необычная нарративная стратегия: автор передает функцию рассказывания диегетическому нарратору, который в ходе воспоминания событий реконструирует у читателя его собственный образ о прошлом. При этом рассказывание истории Клаудии Хэмптон имитирует процесс мышления, при котором произвольно всплывают истории из жизни.

Благодаря калейдоскопической технике автору удается создать особый тип повествования, где процесс воспоминания событий уподобляется метафоре археологических раскопок, представленных фрагментарными и разрозненными «осколками» прошлого героини, что позволяет автору анализировать травматичные эпизоды своей жизни, а также отследить процесс становления собственного «Я».

Героиня романа представляет собой тип героя с космологическим мышлением, который осмысливает свою жизнь сквозь призму личной истории и мировую историю через события собственной биографии.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении форм репрезентации исторического опыта в контексте всего творчества Пенелопы Лайвли.

Источники | References

1. Касьянов В. В., Самыгин С. И. Историческая и коллективная память и социальный порядок // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 10.
2. Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция-память / пер. с франц. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999.
3. Романовская Е. В. Морис Хальбвакс: культурные аспекты памяти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2010. Т. 10. № 3.
4. Рязузова Е. В. Коллективная и семейная память в контексте взаимодействия Я и Другого // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Акмеология образования. Психология развития». 2020. Т. 9. Вып. 4 (36).
5. Сидорова О. Г., Полуэктова Т. А. Экфрасис и его функционирование в поэтике романа Пенелопы Лайвли «Фотография» // Известия Уральского федерального университета. Серия 2 «Гуманитарные науки». 2019. Т. 21. № 4 (193).
6. Судленкова О. А. Вымышленная автобиография Пенелопы Лайвли // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1 «Филология». 2019. № 1 (98).
7. Шмид В. Нарратология. М.: Litres, 2022.
8. King N. Memory, Narrative, Identity: Remembering the Self. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000.
9. Kucała B. Penelope Lively's Autobiographical Memory // Brno Studies in English. 2017. Vol. 43. No. 1.
10. Moran M. H. Penelope Lively. N. Y., 1993.
11. Moran M. H. The Novels of Penelope Lively: A Case for the Continuity of the Experimental Impulse in Postwar British Fiction // South Atlantic Review. 1997. No. 62 (1).
12. Oró-Piqueras M. Demythologizing Female Aging through Narrative Transgression in Penelope Lively's 'Moon Tiger' and Angela Carter's 'Wise Children' // Critique: Studies in Contemporary Fiction. 2017. Vol. 58. No. 2.
13. Oró-Piqueras M. Towards Old Age through Memory and Narrative in Penelope Lively's 'The Photograph' and 'How It All Began' // Journal of English Studies. 2014. No. 12.
14. Xiaotang Lv. Retrieving the Past – the Historical Theme in Penelope Lively's Fictions // Theory and Practice in Language Studies. 2016. Vol. 6. No. 10.

Информация об авторах | Author information**RU****Иванова Дарья Дмитриевна¹****Вафина Алсу Хадиевна²**, к. филол. н., доц.^{1,2} Казанский (Приволжский) федеральный университет**EN****Ivanova Daria Dmitrievna¹****Vafina Alsu Khadievna²**, PhD^{1,2} Kazan Federal University¹ zel.kanikuly@gmail.com, ² alsu_vafina@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 17.05.2023; опубликовано (published): 10.07.2023.

Ключевые слова (keywords): П. Лайвли; проблема памяти; нарратив; ретроспективная композиция; диегетический нарратор; P. Lively; problem of memory; narrative; retrospective composition; diegetic narrator.